

**О ПРИЧИНАХ
ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1958 г.****ON REASONS BEHIND
SCHOOL REFORM OF 1958**

Аннотация. Рассматривая предысторию школьной реформы 1958 г., автор связывает ее с идейно-политической жизнью СССР «эпохи XX съезда».

Ключевые слова: КПСС; школьная реформа; «оттепель»; инакомыслие; административно-командный режим.

Сведения об авторе: Прищепа Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628408, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 8; тел. (3462) 350351.
E-mail: pai@kir.sorgu.ru

Abstract. The author of the article examines the education reform that took place in 1958, its prehistory and links it with the political life in USSR during the “20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union epoch”.

Key words: Communist Party of the Soviet Union; school reform; “Khrushchev’s Thaw”; dissidence; administrative and command regime.

About the author: Alexander Ivanovich Prishchepa, Doctor of History, Professor of the Department of History of Russia.

Place of employment: Surgut State University.

Как нам представляется, адекватным шагом по усилению коммунистического воспитания молодежи явилась школьная реформа в СССР 1958 г., направленная на воспитание у подрастающего поколения цеховых традиций, производственного послушания рабочих и колхозников СССР.

На наш взгляд, предпринятая во второй половине 50-х гг. реформа системы народного образования и высшей школы была предопределена не только общесоциальной обстановкой на «укрепление связи школы и жизни», «стирание различий между физическим и умственным трудом», но и лавинообразным нарастанием молодежного инакомыслия, усилением, как отмечалось в партийных документах, «антисоветских, враждебных вылазок». В соответствии с законом от 24 декабря 1956 г. поступление в вуз полностью стало зависеть от работы на производстве и обуславливалось не блестящими результатами в средней школе, а производственным стажем, «общественным лицом» абитуриента и его политическими критериями. Помимо этого вузы должны были оставлять все больше мест «трудящимся» и строить сложную систему опосредованных звеньев между предприятиями и учебными заведениями [3. С. 364—365].

Еще в январе 1957 г. бюро Свердловского обкома КПСС, обеспокоенное политическими настроениями в вузах города, приняло постановление «Об улучшении состава принимаемых в вузы студентов в 1957 г.» и обязало ректоров и секретарей партийных организации высших учебных заведений принять все необходимые меры к широкому привлечению в институты работающей молодежи и обеспечить в 1957 г. прием более половины студентов из числа лиц, имеющих производственный опыт. Стремясь «оработить» вузовскую молодежь, Свердловский обком КПСС настоятельно рекомендовал руководителям предприятий и вузов создавать подготовительные курсы для подготовки рабочих к поступлению в вузы [4. Ф. 4. Оп. 57. Д. 17. Л. 19].

О политической значимости этого постановления свидетельствует то, что через месяц, в феврале 1957 г., бюро Свердловского обкома КПСС, пристально контролировавшее его выполнение, вернулось к рассмотрению вопроса «Об улучшении состава принимаемых в вузы студентов в 1957 г.» и констатировало, что большинство вузов города активно включилось в работу по подготовке рабочей молодежи для поступления в высшие учебные заведения. При семи вузах города были созданы подготовительные курсы, для поступления

на которые к 1 февраля 1957 г. было подано около 1500 заявлений. С особым удовлетворением бюро горкома КПСС отмечало, что большую работу по привлечению рабочей молодежи к учебе провели Уральский государственный университет и Уральский политехнический институт [4. Ф. 161. Оп. 28. Д. 17. Л. 31], доставившие ему год назад столь большое беспокойство.

До недавнего времени в исторической литературе отмечалось, что в целом в стране и в партийной среде разоблачение культа Сталина было встречено с пониманием и одобрением [1. С. 202]. Однако вся политика КПСС в последующие три десятка лет и реагирование на нее «молчаливого большинства» заставляют усомниться в истинности такого категоричного утверждения. Новейшие исследования дают основание сделать вывод о том, что и партийные верхи, и партийная масса, и беспартийные в большинстве своем, помня уроки 30-х гг., весьма осторожно выражали свое отношение к столь резкому повороту от прославления, почти обожествления к развенчанию «великого вождя и учителя» [1. С. 202].

Этому способствовала и двусмысленная позиция ЦК КПСС в отношении ознакомления населения с докладом Н.С.Хрущева. Сразу после окончания XX съезда партии текст доклада был издан в виде маленькой красной книжки, доступной только для членов КПСС. Хотя в конце марта 1956 г. по указанию Н.С.Хрущева она была открыта для обсуждения на собраниях всех граждан старше 14 лет, их проведение и обсуждение текста строго контролировали представители партийных органов. В апреле 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС обсудило «неправильное поведение» 1-го секретаря Орджоникидзевского РК КПСС Швецова, «грубо нарушившего указания вышестоящих партийных органов о порядке ознакомления с докладом Н.С.Хрущева на XX съезде “О культе личности и его последствиях”», и указало ему на недопустимость игнорирования вышестоящих партийных органов [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 7. Л. 6].

Гораздо решительней действовала молодежь. В г.Свердловске эпицентром разоблачения культа личности Сталина и выражения инакомыслия стали студенческие аудитории трех крупнейших вузов Урала — Уральского политехнического института им. С.М.Кирова, Уральского государственного университета им. А.М.Горького и Уральского педагогического института. Состоявшиеся в октябре — ноябре 1956 г. отчетно-выборные комсомольские собрания этих вузов в буквальном смысле потрясли партийную власть г.Свердловска. 13 ноября 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС специально рассмотрело вопрос «О факте антипартийного, антисоветского выступления на XII отчетно-выборной комсомольской конференции Уральского политехнического института им. С.М.Кирова» и с глубокой тревогой отметило, что на ней имел место факт «антипартийного, антисоветского выступления делегата конференции, студента 4-го курса физико-технического факультета А.А.Немелкова», в котором были «клеветнические заявления и выпады против партии, комсомола, государства и народа». Весьма показательно, что, по признанию самого бюро обкома партии, «этому выступлению сразу же не дано было решительного отпора» [4. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 4].

Для наведения порядка на конференции потребовалось вмешательство самых высоких партийных властей города. Однако ни экстренно командированный на следующий день на конференцию секретарь Свердловского горкома КПСС Осипов, ни присутствовавшие на ней секретарь обкома ВЛКСМ Мазырин и секретарь парткома института Веселов не смогли противостоять демократическому напору участников конференции и «дать решительный отпор выступлениям, поддерживающим Немелкова». «Только на третий день, — отмечалось в постановлении бюро Свердловского обкома КПСС, — правильный ход конференции был обеспечен» [4. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 5].

Еще больший импульс инакомыслию придали решения XX съезда КПСС в Уральском педагогическом институте. Здесь была предпринята попытка утвердить демократические принципы в организации студенческой жизни и комсомольской работы в вузе. 1 ноября

1956 г. после окончания собрания студенческого актива института группа его участников — члены ВЛКСМ Северова, Бродский, Фельдман и ряд других студентов — по своей инициативе самовольно организовали выборы «комиссии по выработке требований к администрации и партийным органам института». Подготовленный этой комиссией «Проект решений студенческого коллектива» содержал, как отмечалось в постановлении бюро Свердловского обкома КПСС 20 ноября 1956 г., «целый ряд ошибочных формулировок и предложений» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 11. Л. 56]. Наиболее активные инакомыслящие студенты педагогического института организовали обсуждение проекта в учебных группах и подразделениях вуза. «Эти недопустимые действия группы студентов», как и в Уральском политехническом институте, «не получили должного отпора со стороны комсомольской организации» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 11. Л. 56], что свидетельствовало о глубоком сдвиге в сознании значительной части свердловской студенческой молодежи.

Массовый характер «разнузданные и демагогические выступления об изживании комсомола» с требованиями «свободы критики», «свободы слова», «демократии» приняли на отчетно-выборном комсомольском собрании отделения журналистики Уральского государственного университета, состоявшемся в конце октября 1956 г. Общий характер комсомольского собрания студентов-журналистов был необычен даже в сравнении с ситуацией, сложившейся в политехническом и педагогическом институтах. На собрании в УрГУ кричали, свистели, стучали ногами. Выступления коммунистов встречали криками: «Долой с трибуны!», «Хватит!» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 27]. Выдвижение кандидатов в состав бюро ВЛКСМ прошло в шумной обстановке, много было отводов и самоотводов. Студенты Антонов, Черкизов, Скоп, Абдрашидов, Лиханов и многие другие выступали против мелочной, перестраховочной опеки партийного бюро комсомольской жизни факультета, требовали демократических изменений в комсомоле и партии, свободы идеологических дискуссий. Много критических замечаний было высказано по вопросам организации учебного процесса в университете. Студенты требовали введения свободного посещения лекций, увольнения с работы некоторых преподавателей, повышения студенческой стипендии [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 27—31]. Эти предложения были включены в резолюцию собрания, подготовленную Скопом, Карповичем и Плотниковым. Собрание не осудило ее как «политически вредную», на чем настаивало большинство студентов-коммунистов и присутствовавших преподавателей. Из 153 человек за осуждение проголосовало лишь 37% участников собрания [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 31]. После прямого вмешательства и под давлением партийного бюро филологического факультета и парткома университета на второй день собрания была предложена коренным образом переработанная резолюция. Однако и в ее окончательно принятом варианте в результате последовавших на собрании дополнений и изменений «отсутствовала принципиальная политическая оценка выступлений Черкизова, Скопа и других, а также первого проекта резолюции» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 31].

Меры в отношении «взбунтовавшегося факультета» Уральского государственного университета со стороны партийных властей города были особенно крутыми. Были исключены из комсомола и университета почти все активные участники собрания [2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л. 141—142]. 13 ноября 1956 г. (спустя менее недели после случившегося) решением бюро Свердловского обкома КПСС от обязанностей ректора университета был освобожден Г.И. Чуфаров с традиционной для того времени формулировкой «по состоянию здоровья» [2. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 7]. 27 ноября 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС приняло специальное постановление «О фактах нездоровых проявлений среди студентов филологического факультета Уральского университета им. А.М. Горького», в котором обвиняло бывшего ректора университета в «потере чувства партийности и государственной ответственности за воспитание молодежи., высокой требовательности к преподавательскому составу» [2. Ф. 4. Оп. 55. Д. 66. Л. 14]. Этим постановлением бюро обкома

КПСС инициировало расправу над преподавателями, «утратившими политическую бдительность, допуская либеральное, примиренческое, беспринципное отношение к фактам нездоровых настроений» [2. Ф. 4. Оп. 55. Д. 66. Л. 14]. Прислушавшись к голосу обкома, Ученый совет УрГУ 31 января 1957 г. рассмотрел вопрос «О поведении преподавателя т.Куканова Александра Михайловича». В ходе его обсуждения заслуженного фронтовика, участника боев под Халхин-Голом, сражения под Сталинградом, штурма Вены и освобождения Венгрии осуждали за высказывания о том, что «у нас возрождается обстановка 37-го и 49-го годов», за совместные с преподавателем университета Тмарченко неортодоксальные заявления о нарушениях норм партийной жизни, об ограничении критики и демократии в партии и обществе [2. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 381. Л. 12]. В предложенной профессором Ф.П.Быстрых резолюции Ученый совет осудил «демагогические, нездоровые взгляды и настроения преподавателя А.М.Куканова» и попросил ректорат освободить его от работы в Уральском университете [2. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 381. Л. 31].

Таким образом, в середине 50-х гг. инакомыслие приобретает новый импульс в советском обществе. Борьба за лидерство после смерти Сталина, попытки реформирования, разоблачение культа личности, начало реабилитации его жертв и особенно закрытое совещание XX съезда КПСС — все это способствовало раскрепощению духовной жизни людей, побуждало их к размышлению над глубинным содержанием происходящих событий. Они вызвали острые дискуссии в рядах творческой интеллигенции и особенно студенческой молодежи о бюрократическом гнете партийного и государственного аппарата и необходимости большей свободы СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
2. Государственный архив Свердловской области.
3. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области.